

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23>

РЕЧЬ, ОБРАЩЕННАЯ К РЕБЕНКУ, КАК ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научная статья

Андреева Е.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0009-4285-6687;

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lisa992[at]bk.ru)

Аннотация

В статье рассматривается коммуникация партнеров в межвозрастной паре «взрослый-ребенок» в рамках полимодальности. Наряду с известными грамматическими и лексическими особенностями речи, обращенной к ребенку, большую роль играют и фонетические модификации, используемые взрослым по отношению к младшему партнеру. Особое внимание в данной работе уделяется просодии взрослого, а именно – мелодике и темпу речи. Вербальная модальность в данной статье описывается как часть полимодального ансамбля, который дополняется также такими невербальными компонентами общения, как проксемика, близость партнеров, их позы, направление взгляда, жесты.

Экспериментальное исследование с целью установить взаимосвязь и взаимовлияние вербальных и невербальных модусов производилось на материале видеозаписей общей длительностью 30 минут. В качестве информанта выступала девушка-носитель британского варианта английского языка.

В статье предполагается, что сочетание модусов, используемых взрослым, может быть подчинено одной из двух целей: побудить ребенка стать активным участником диалога или же, напротив, продемонстрировать отсутствие у взрослого намерения передавать младшему партнеру коммуникативный ход, превращая дискурс в своеобразный монолог. Таким образом, речь, обращенная к ребенку, может быть рассмотрена как поликодовый объект, в основе которого лежат несколько семиотических систем, одновременное использование которых обуславливает эффективную коммуникацию.

Ключевые слова: просодия РОД, полимодальный ансамбль, невербальные модусы коммуникации, общение в паре «взрослый-ребенок».

CHILD-DIRECTED SPEECH AS A MULTIMODAL PHENOMENON IN ESTABLISHING EFFECTIVE COMMUNICATION

Research article

Andreeva E.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0009-4285-6687;

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (lisa992[at]bk.ru)

Abstract

The article studies the communication between an adult and a child in the framework of multimodality. Grammatical and lexical peculiarities have been regarded as essential components forming the Child-Directed Speech (CDS). However, phonetic modifications employed by the adult also play a significant role. The present study focuses on the adults' prosody, and more specifically – on the melody and tempo of adults speech. Verbal modality is viewed as one part of a multimodal ensemble that is also made up of nonverbal modalities of communication, including the poses of the participants, their physical proximity, gestures and gaze.

The corpus chosen for the experimental analysis of the interplay of verbal and non-verbal modes consisted of a 30-minute video recording. The video features a young British woman and her 5-month-old daughter interacting during a day.

It has been suggested that different combinations of modes can make the conversation between the adult and the child resemble either a dialogue or a monologue. In the first case, the employment of various modalities by the adult encourages the baby to take part in the interaction. In the second case, the speaker uses fewer modalities, thus showing the child that she is not yet welcome to participate. CDS is thus viewed as a multicode phenomenon that comprises several semiotic systems, which enable the adult and the child to communicate effectively.

Keywords: CDS prosody, multimodal ensemble, nonverbal modes of communication, communication between an adult and a child.

Введение

Рассмотрение речи, обращенной к ребенку, как отдельного регистра обусловлено наличием определенных лексических единиц, нетипичной грамматической структуры предложений, а также фонетических особенностей (включающих интонационные и звуковые характеристики), отличных от коммуникации взрослых. Разница в возрасте между коммуникативными партнерами, а также отсутствие у ребенка необходимого социокультурного опыта

вынуждает взрослого изменять как информационную составляющую (содержательный аспект) диалога, так и саму структуру дискурса. При этом внутри существующего между взрослыми языкового кода создается уникальный код, получивший в русской научной традиции названия *регистр общения с детьми* (далее – РОД), *речь, обращенная к ребенку*. В зарубежной литературе это понятие обозначается словосочетаниями *IDS (Infant-Directed Speech)*, *CDS (Child-Directed Speech)*, *BT (Baby Talk)*. Реализация данного подтипа речи в конкретной ситуации использования, с позиции когнитивистики, происходит в виде *коммуникативного события (usage event)*.

Несмотря на то, что изучение языковых особенностей РОД берет свое начало еще в трудах античных авторов (подробнее об истории изучения данного типа речи – см. в работе [1]), корреляция вербальной составляющей общения и невербального поведения говорящих – в особенности, взрослого – остается весьма малоизученной. Между тем расширение области исследования взаимодействия в паре «взрослый – ребенок» позволит говорить о коммуникации в рамках целостного акта социального взаимодействия. Таким образом, в центре внимания окажется не одна, а сразу несколько модальностей, формирующих данный вид дискурса.

Ключевые понятия полимодальности

В конце XX – начале XXI века на смену традиционным парадигмам изучения языка как замкнутой системы приходит полимодальный подход, позволяющий рассматривать коммуникацию как взаимодействие различных семиотических систем. Язык трактуется лишь как один из ресурсов для означивания, а текст – или, говоря точнее, дискурс – все чаще воспринимается как поликодовый объект. Какой же семиотический ресурс находится в распоряжении человека? По мнению Т. ван Леувена, он настолько многогранен, что включает буквально все действия человека и артефакты, через которые выражаются различные социальные и культурные значения. Эти действия во время коммуникации производятся либо посредством физиологических возможностей индивида – способности издавать звуки, использовать мимику и жесты – либо через разносторонний арсенал современных технологических средств – к примеру, ручки, краски, компьютерные программы, с помощью которых возможна передача смыслов [2]. Цитируя М. Хэллдея, поясним: семиотические ресурсы – это система или системы значений, которые составляют «реальность» культуры [3, С. 123].

Полимодальность позволяет соединять в одном пространстве знаки разных семиотических систем и сенсорных планов, а также указывает на взаимодействие и взаимообусловленность нескольких каналов коммуникации. Ввиду того, что мультимодальность в лингвистике находится в стадии зарождения, существует некоторая терминологическая неопределенность. Так, по-разному трактуются ключевые понятия *модусы* и *модальности*. К примеру, в философском понимании и то, и другое – это способ существования сущности в ее взаимодействии с языком и познанием мира [4]. По мнению зарубежного лингвиста К. О'Хэллоран, модусы включают язык, изображения, музыку, жесты, архитектуру (строение), которые интегрируются по *сенсорным модальностям (sensory modalities)* [5]. Под данными *модальностями*, по-видимому, понимаются сенсорные каналы (визуальный, аудиальный, ольфакторный, тактильный, кинестетический и вкусовой), по которым воспринимается информация. Эти каналы соотносятся со следующими видами чувств человека (в психофизиологии для их обозначения используется также термин *сенсорные системы*), а именно: со зрением, слухом, обонянием, осязанием, проприоцепцией*, вкусом. *Под проприоцепцией понимается способность осознавать положение и движение своего тела в пространстве.

В данной статье мы будем рассматривать модус как «исторически, социально и культурно обусловленный способ построения значения посредством семиотических ресурсов» (определение по [4, С. 25]), а модальность – как способ кодирования информации в рамках одной семиотической системы. Нам представляется целесообразным под модальностью понимать объединение нескольких модусов по какому-либо общему признаку. Так, движения пальцев рук и движения головы можно отнести к разным модусам, однако и те, и другие условно формируют жестовую модальность общения. При этом канал восприятия собеседника так же не совсем однозначен: на первый взгляд, жесты воспринимаются органами зрения, однако при близкой дистанции не исключена возможность касания собеседником адресата, в этом случае сенсорный канал, возможно, будет уже тактильный, то есть связанный с ощущениями прикосновения.

Таким образом, речевой акт приобретает формы уникального *коммуникативного события*, характеризующегося совокупностью вербальных и невербальных средств выражения значения. Коммуникативное событие, по мнению А.Ченки, принимает во внимание, помимо самой речи, физические, социальные и когнитивные факторы [6]. Такое представление о событии характерно для социопрагматического направления в языкознании, при котором учитывается не только само сообщение, но и социальные и личностные характеристики участников, широкий контекст ситуации, степень близости собеседников, а также, что немаловажно, интенции говорящих.

Таким образом, при взаимодействии различных систем смыслообразования возникает особый *полимодальный ансамбль (multimodal ensemble)*, благодаря которому собеседники способны активировать друг у друга целостные ментальные образы событий и объектов, обмениваться ими.

Когнитивные особенности восприятия полимодального феномена

Заметим, что как у взрослых, так и у детей уже на ранних этапах онтогенеза формируются так называемые «*мозговые репрезентации*», «*ментальные голограммы*». Последний термин был предложен Карлом Прибрамом [7], который понимал под ним мнестические хранилища зрительных и слуховых образов. При этом информация об объекте хранится в нескольких участках мозга, однако «места хранения» генетически предопределены. Таким образом, схема расположения нейронов, репрезентирующих определенный объект, одновременно локализована и рассеяна [8]. Один и тот же объект приводит к формированию ряда образов, связанных с различными модальностями и полями коры головного мозга. Все эти образы координируются между собой, и при стимулирующем воздействии вкусов, запахов, речи, жестовых движений происходит актуализация целых пластов опыта и воспоминаний,

активизирующая обширные зоны мозга. Этот факт свидетельствует о межмодальной природе узнавания и извлечения из памяти [9, С. 88].

Восприятие объекта идет по разным каналам, а потому на один и тот же ментальный объект можно посмотреть под разными углами. Из этого следует, что даже если какие-то данные о предмете оказываются стертыми из памяти, сама «голограмма» сохраняется.

В результате у человека есть способность формировать гештальт на основе всего многообразия зрительных, слуховых, тактильных и даже эмоциональных ощущений, сопровождающих некое событие. А благодаря феномену *единства восприятия* и механизму *реконструкции ментальных объектов* одна яркая деталь в одной модальности может породить воспоминание о событии, включая детали других модальностей.

В случае с ребенком все обстоит примерно так же. Переработка всей поступающей информации и принятие решения происходят целостным образом, а не пошагово. К примеру, ребенок может имитировать движения взрослых сначала в общих чертах, впоследствии постепенно совершенствуя их. Посредством знакомства с пространственными свойствами окружающего мира и развитием двигательной активности ребенок накапливает знания о среде, которые в дальнейшем влияют на правильное формирование процессов мышления.

Очевидно, что наличие разных модусов при общении взрослого с ребенком имеет критически важное значение для становления когнитивных функций уже с первых дней жизни последнего. Если социальное взаимодействие ребенка со взрослым не активирует целостные ментальные образы, то ребенок может оказаться аутичным. Он не способен правильно трактовать сигналы общения, посылаемые другими людьми, иными словами, его сознание не формирует гештальт, на который он мог бы опираться в дальнейших социальных контактах.

Возможно, подсознательно понимая это, взрослый стремится задействовать в своей речи как можно больше семиотических систем, включая богатый репертуар невербальных средств.

Взаимодействие различных модальностей в коммуникации

Особую важность при рассмотрении коммуникативного пространства между собеседниками в полимодальном аспекте приобретает вопрос, какие именно модусы следует учитывать. По разным классификациям к невербальным средствам взаимодействия традиционно относят жесты, мимику, позы, различные телодвижения, положение тела и его частей в пространстве, выражение лица, а также зрительное поведение, включающее взгляд. Некоторые исследователи относят к невербальным элементам общения даже такие способы самоподачи человека, как одежда, прическа и макияж [10]. Очевидно, набор модальностей, а также способы их включения в разговор в каждом конкретном речевом акте будут меняться.

Репертуар вербальных и невербальных средств общения в паре «взрослый-ребенок»

В последнее время внимание исследователей часто привлекает проблема взаимодействия различных каналов восприятия при конструировании целостных образов [11] и соотношения невербалики и просодической организации речи [12]. Между тем при когнитивном и вербальном неравенстве партнеров (как, например, в паре «взрослый-ребенок») взрослый старается не только максимально вовлечь, но и своевременно менять самые разнообразные формы коммуникативного обмена, «жонглируя» семиотическими системами. Таким образом, процесс кодирования и декодирования сигналов сопровождается непрерывным переводом сообщений из одной модальности в другую, для чего используются разные позиции тела, манипуляции с различными игровыми предметами, улыбка, смена направления взгляда, изменения высоты тона голоса. При этом, учитывая, что ребенок лишь позднее начинает осознавать, какие сообщения он передает взрослым своими действиями, а также становится способным прогнозировать (и даже планировать) их последствия, роль матери (или любого другого человека, осуществляющего заботу о ребенке) как раз заключается в том, чтобы обучить ребенка основам коммуникативной компетенции через различные модальности.

Способность правильно распознавать и формировать как вербальные, так и невербальные сигналы ребенком в конечном счете представляет собой обязательное условие для развития социальных навыков взаимодействия, а также его интеграции в человеческое общество, включения в систему социальных связей и отношений.

Заметим, что *довербальный* (называемый также *дословесный* или *превербальный*) этап развития ребенка не может считаться *докоммуникативным*, так как уже с момента рождения младенец обладает набором средств для успешной коммуникации.

Рассматривая онтогенез речевого развития, можно сказать, что самая первая форма общения – это крик новорожденного. Крик является сигналом взрослому о том, что младенец нуждается в безопасности, пище, внимании. Уже в 2,5 – 3 месяца крик ребенка можно дифференцировать как звук, выражающий удовольствие или неудовольствие. К третьему месяцу жизни ребенка развиваются и мимические средства общения: улыбка, способность изменять выражение лица (округлять или слегка морщить губы, хмурить брови) и направление взгляда. Улыбка со стороны младшего коммуниканта побуждает взрослого приложить усилия для возобновления или удержания контакта, а также является средством выражения положительных чувств и эмоций: радости, удовольствия, нежности. Непроизвольная улыбка по мере развития индивида сменяется осознанной, адресованной конкретному объекту или человеку. Результатом использования улыбки ребенком является продление заботы и эмоции, выражаемой взрослым, а также еще большее проявление любви и ласки.

Интересным способом взаимодействия с взрослым является и такое невербальное средство, как направление взгляда ребенка. В период 4-6 недель после рождения зрительная система младенца способна лишь к самой общей приблизительной обработке визуальной информации, что сильно затрудняет коммуникацию: ребенок как бы смотрит «мимо» взрослого, не узнает его лицо, не способен направить на него взгляд. Тем не менее уже в полтора-два месяца ребенок способен фиксировать свой взгляд на предмете или лице взрослого: зрительный анализатор обеспечивает детальную обработку поступающих стимулов. Несмотря на зарождающуюся способность вычленять лица других

людей, ребенку все еще тяжело больше нескольких секунд удерживать внимание на одном объекте, поэтому зрительный контакт в паре «взрослый-ребенок» часто прерывается, и взрослому требуются какие-то средства для его возобновления.

Некоторые исследователи обозначают проблему *совместной визуальной ориентации* [10], которая заключается в направлении внимания нескольких людей в одну и ту же определенную точку, на предмет или человека. Когда взрослый пытается привлечь ребенка какой-то игрушкой, вплоть до десятого месяца жизни дети редко следуют за направлением взгляда взрослого [13]. Если мать показывает пальцем на игрушку, ребенок до года будет смотреть на ее палец, но не в направлении, которое он указывает. Развитие совместного внимания необходимо для накопления информации об окружающей среде, закрепления значения за определенным словом, а также для участия в различных формах общения с взрослым. Таким образом, при разговоре с ребенком первого полугодия жизни взрослому необходимо прибегать к дополнительным модальностям, чтобы побудить его взаимодействовать с предметом или игрушкой. Это может быть аудиальная модальность, когда старший коммуникант гремит предметом, или же сочетание тактильной и проксемической модальности, если взрослый приближается к ребенку, склоняется над ним, касается его игрушкой или помогает малышу ее изучать, ощупывать.

Интересно проследить и онтогенез использования жестов. Одно из важнейших движений на этапе взросления – хватание, которое сначала происходит в виде рефлекса, однако впоследствии применяется осознанно в координации со зрительным восприятием. Между вторым и шестым месяцами жизни у ребенка в свете активизации общей моторики формируется «*комплекс оживления*». При приближении взрослого или его появлении в поле зрения ребенка младший коммуникант начинает активно двигаться, улыаться, сопровождая свои движения гуканьем и гулением. Этот процесс может происходить одновременно с поворотами головы, вскидыванием рук; а уже начиная с четвертого месяца может наблюдаться следующий жест: ребенок поднимает руки, пытается приблизиться к матери, прикоснуться к ней, создать общее с ней коммуникативное пространство, начать игру. При этом свое нежелание общаться или явную заинтересованность в другом объекте ребенок может продемонстрировать, отводя взгляд от взрослого, а позднее – и вовсе отворачиваясь от него.

При переходе на стадию гуления и гукания ребенок в состоянии даже стать инициатором общения: улыбки, жесты, зрительный контакт способствуют тому, что и мать, и ребенок попеременно выражают свое эмоциональное состояние, приближая коммуникацию по форме общения от *монолога* матери к *диалогу*.

Таким образом, ближе ко второму полугодию жизни репертуар вербальных и невербальных сигналов настолько развит и обширен, что младший коммуникант уже может самостоятельно изменять или даже задавать такие параметры взаимодействия, как проксемическую близость общения, количество и тип касаний, количество вокализаций, а также время общения.

Экспериментальный анализ полимодального взаимодействия в межвозрастной паре

Изучение комплекса вербальных и невербальных средств общения в паре «взрослый-ребенок» производилось на материале нескольких отрывков видеозаписей общей длительностью 30 минут. На видео девушка-носитель британского варианта английского языка в различных бытовых ситуациях общается с дочерью, возраст которой составил 5 месяцев.

Основной целью эксперимента являлось исследование просодических компонентов речи, включающих мелодику, темп, ритм, паузацию и тембр голоса говорящего, которые проявляются у взрослого в ситуации общения с младенцем. В этом случае речь идет о специальном регистре общения с детьми или же коде, который, как мы уже отметили выше (см. [1]), не возникает и не создается заново каждым отдельными родителями или индивидами, а проявляется одинаково в рамках одной культуры из поколения в поколение. Этот код можно рассматривать как часть социолингвистической компетенции индивида, которая активируется у человека вне зависимости от того, кем он приходится ребенку.

При этом во время проведения эксперимента выяснилось, что мелодическая, ритмическая, тембральная и темпоральная стороны речи не всегда постоянны даже при условии, что состав участников, ситуация и место общения остаются неизменными. О синтаксической неоднородности РОД ранее заявляли зарубежные исследователи, к примеру, К. Сноу [14], а российские ученые отмечают наличие разных текстов в системе РОД (см, например, [15]), представляя регистр как континуум текстов и стилей общения, смена которых обусловлена, во-первых, различиями в ситуациях коммуникативного обмена, а во-вторых, прогрессивными изменениями в когнитивных и коммуникативных компетенциях ребенка.

Преыдушие исследования по изучению взаимодействия женщин с детьми на материале английского языка подтверждают, что в зависимости от целей и настроения коммуникантов синтаксические, а также просодические параметры речи взрослого могут меняться [16]. Наряду с этим оказалось, что комплекс невербальных средств общения также является своеобразным «ключом» для ребенка, указывающим, когда к нему переходит коммуникативный ход, и формирующим саму структуру диалога.

В ходе эксперимента мы обнаружили, что речь, произносимую матерью, можно рассматривать либо как прообраз диалога, либо как некий монолог, организуемый с целью занять коммуникативное пространство.

В первом случае от ребенка ждут ответной реакции, ему передают коммуникативный ход, взрослый при помощи разных модусов пытается вызвать у ребенка ответную реакцию, побудить ребенка взять инициативу.

Во втором случае взрослый ощущает необходимость общаться с ребенком, быть рядом с ним, чтобы осуществлять присмотр или же с целью предотвращения нежелательного поведения (криков, плача), однако активная роль в этом типе дискурса отводится исключительно взрослому. Количество пауз в речи взрослого уменьшается, тональный диапазон сужается. Таким образом, коммуникативный ход остается у матери.

Во время просмотра записи, мы сделали вывод о том, что выраженность просодических характеристик РОД максимальна, когда взгляд взрослого направлен на младенца или же когда мать и ребенок смотрят в одном направлении на один и тот же предмет.

Рассмотрим несколько примеров.

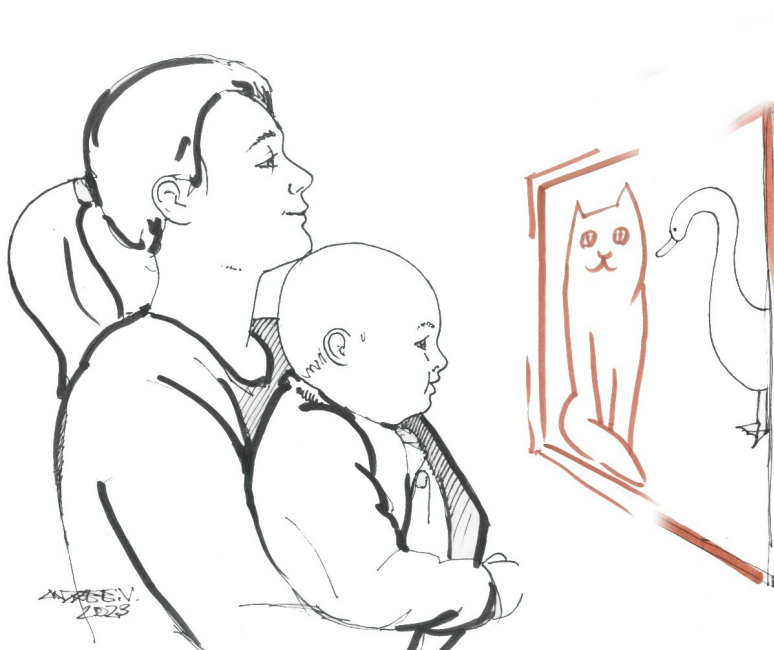

Рисунок 1 - Женщина с дочерью смотрят на картины на стене
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23.1>

На рисунке 1 представлена семейная сцена, во время которой мама с ребенком на руках рассматривают картины на стене. Взгляд ребенка и матери сосредоточен на изображениях кошки, гуся и других животных, которым женщина с ребенком в качестве ежевечернего ритуала желают спокойной ночи. Женщина довольно плотно прижимает ребенка к себе двумя руками, таким образом позволяя ему чувствовать психологическую поддержку и защиту со стороны взрослого. Близкий физический контакт проявляется и в расположении ее головы относительно головы ребенка: в какой-то момент подбородок матери касается макушки головы дочери, их лица при этом направлены в одну сторону (в это время мать произносит фразы 1, 2).

Через несколько секунд женщина разворачивает голову и смотрит на ребенка, как будто ищет взглядом глаза дочери, изучает ее настроение, при этом она берет речевую паузу и ждет ответную реакцию от ребенка. Видя интерес малыша к картинам, женщина умиляется: широко улыбается, немного смеется (см. рис. 2). Дистанция между их лицами составляет меньше 10 сантиметров, они практически соприкасаются. Произнося фразы 6 и 7, мать сосредоточивает взгляд на картинах, затем вновь переводит его на дочь. Пока женщина смотрит на ребенка, она снова молчит, таким образом передавая ребенку коммуникативный ход.

Рисунок 2 - Женщина улыбается ребенку и ждет от него ответной реакции. Ребенок рассматривает картины на стене
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23.2>

После того как всем животным, изображенным на картинах, пожелали спокойной ночи, мама несколько раз проводит рукой по спине ребенка сверху вниз (из положения, изображенного на рисунке 2, рука женщины направляется вниз). Этот жест можно расценивать как поощряющий ребенка к проявлению эмоциональных реакций, а также как успокаивающий тактильный контакт со взрослым, нужный малышу перед сном.

Невербальная коммуникация сопровождается гуканием ребенка, его общим двигательным оживлением и следующими высказываниями женщины:

- (1) 'Night- →night!
- (2) 'Night- →night!
- (3) You ' can` t climb ~ in! (объясняя ребенку, что невозможно попасть на картинку)
- (4) You ' can` t climb ~ in!
- (5) Say: ' Night-night, →Nala!
- (6) ' Night-night, →geese!
- (7) ' Night-night, →Tiger!

Рисунок 3 - Пример 1
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23.3>

Фразы 1, 2 мелодически похожи: они оформлены высоким ударением и высоким (в первой фразе) и средним (во второй фразе) ровным ядерным тоном. Такой же мелодический рисунок имеют фразы 5,6,7, в которых последнее слово

оформляется попеременно средним (5), высоким (6) и средним (7) ровным тоном. Фразы 3 и 4 оформляются высоким ударением на модальном глаголе *can't* и завершаются высоким нисходяще-восходящим тоном. Отметим, что в данном отрывке присутствуют 3 просодических повтора (термин подробно описан в статье [16]): мелодически повторяются фразы 1-2; 3-4; 5-7.

Высокий и средний ровный тоны придают высказываниям матери некую незавершенность, а высокий нисходяще-восходящий тон, являющийся по своей природе достаточно эмфатичным, позволяет матери не только обозначить запрет, но и поддержать общий положительный эмоциональный фон в паре, выполняя таким образом фатическую функцию. Учитывая, что за каждой фразой следует пауза, а средняя длительность слога в отрывке составляет 0,8 слогов в секунду, очевидно, что мать в этот момент ожидает ответа от ребенка, стимулируя его участие в диалоге.

Высокий тональный уровень голоса, более медленный темп, относительная краткость фраз и мелодическая выделенность интонационного центра фразы являются ключевыми характеристиками речи, обращенной к ребенку. Эти просодические черты в сочетании с частым зрительным контактом, проксемической близостью партнеров и нежными тактильными движениями матери подбадривают ребенка, побуждая его стать не пассивным слушателем, а активным участником общения. В данной ситуации взаимодействие вербальной, тактильной, зрительной и проксемической модальностей создает ощущение скорее диалогического, нежели монологического характера общения.

Напротив, просодические черты РОД становятся менее маркированы, если один или несколько невербальных модусов не задействованы взрослым.

Рисунок 4 - Женщина готовит с ребенком на руках. Женщина и ребенок смотрят в разные стороны
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23.4>

На рисунке 3 изображена ситуация, в которой мама готовит блюдо на ужин с ребенком на руках. Очевидно, она не может его оставить и освободить обе руки: ей важно проводить с ним время так, чтобы ребенок не плакал, а потому она предлагает ему роль пассивного зрителя процесса приготовления пищи, держа его одной рукой. Такая установка проявляется, во-первых, в направлении взгляда матери: она смотрит на кухонную утварь и в книгу рецептов, игнорируя ребенка. Свободной рукой женщина переворачивает страницы книги, параллельно читая вслух рецепт (см. диалог ниже). Во-вторых, общение лишено тактильного контакта: мать не гладит дочь, не стремится прикосновением привлечь внимание младшего коммуниканта, как в предыдущем примере. Кроме того, на ее лице нет улыбки.

(1) 'Half → peel √ and 'thinly ' slice the · onion.

(2) ' Peel and ' grate the \ garlic.

Рисунок 5 - Пример 2

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23.5>

В этой ситуации мать выглядит сосредоточенно, что передается и через мелодику фраз: конечная синтагма первой фразы и вторая фраза оформлены постепенно нисходящей ступенчатой шкалой и завершаются средним (в конечной синтагме первой фразы) и низким (во второй фразе) нисходящим тоном. Постепенно нисходящая ступенчатая шкала характерна для официальных, неэмоциональных текстов, а нисходящие терминальные тоны выражают категоричность, законченность высказывания. Между фразами мать не пытается установить зрительный контакт с ребенком, не делает пауз, ее речь в этом отрывке звучит монотонно и невыразительно. Средняя длительность слога составляет 2,2 слога в секунду.

Таким образом, в данном примере взрослый не побуждает ребенка к речевым действиям, оставляя за собой коммуникативный ход, а вместе с ним – роль ведущего. Ребенку же отводится роль молчаливого наблюдателя.

Заключение

Представляется, что вербальные и невербальные семиотические системы взаимодействуют при общении взрослого и ребенка, формируя сюжетную канву коммуникации. Ярко выраженный мелодический рисунок, замедленный темп, использование некатегоричных терминальных тонов со значением незавершенности в синтагме в сочетании с проксемической близостью и кинетическим взаимодействием участников, а также их совместная визуальная ориентировка и зрительный контакт определяют диалогическую направленность общения. Иными словами, чем больше модусов и каналов восприятия информации задействует взрослый, тем больше вероятность того, что ребенок станет считать себя активным участником общения. Коммуникация в паре в таком случае становится прообразом диалога двух равноправных партнеров.

И наоборот, чем скуднее полимодальный ансамбль средств, конструирующих значение, тем меньше ребенок чувствует необходимость отвечать взрослому. Так, текст, для которого характерны менее яркий мелодический рисунок, более быстрый темп, а также терминальные тоны со значением завершенности, хотя и относится к РОД, но уже меньше побуждает ребенка к активным речевым действиям.

Сосредоточенность взрослого на своей задаче, отсутствие у него улыбки, недостаток визуального контакта в паре, более отдаленное расстояние партнеров относительно друг друга и скудное использование жестов, направленных на ребенка, определяют восприятие такого текста как монолога. Очевидно, что во втором отрывке целью женщины было совместное времяпрепровождение, при котором она заполняет голосом тишину, но не коммуникация, в которую в равной степени вовлечены оба партнера.

Целостное восприятие как вербальных, так и невербальных модусов имеет первостепенное значение для понимания ребенком своей роли в речевом акте. Их взаимодействие и взаимодополняемость способствуют развитию социальной, когнитивной и лингвистической компетенций адресата, а потому такое описание приобретает особую значимость в рамках изучения межвозрастной коммуникации в паре «взрослый-ребенок».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Андреева Е. А. Фонетические особенности речи, обращенной к ребенку: к истории вопроса / Е. А. Андреева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3(792). — С. 9-20.
2. Leeuwen T. van. *Introducing Social Semiotics* / Leeuwen T. van // London: Routledge, 2005. — 314 p.
3. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M.A.K. Halliday // London: Arnold, 1978. — 256 p.
4. Ирисханова О.К. Полиmodalный дискурс как объект исследования / О.К. Ирисханова // Полиmodalные измерения дискурса / Отв.ред. О.К. Ирисханова. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 448 с. — (Studia Philologica.)
5. O'Halloran K.L. *Multimodal Discourse Analysis* / K.L. O'Halloran // *Companion to Discourse* / Ed. by K. Hyland, B. Paltridge. — London; New York: Continuum, 2011. — P. 120-137.
6. Cienki A. J. Usage Events of Spoken Language and the Symbolic Units We (May) Abstract from Them / A.J. Cienki // *Cognitive Processes in Language* // J. Badio, K. Kosecki. — Bern: Peter Lang, 2012. — P. 149-158.
7. Pribram K.H. *Holograms* / Pribram K.H // *Languages of the Brain. Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology*. — Prentice-Hall Inc, Englewood Cliffs, 1971. — P. 7 — P.140-166.
8. Changeux J.-P. *Neuronal Man. The Biology of Mind* / J.-P. Changeux. — Oxford University Press, New York, 1985. — 366 p.
9. Ньокиктьен Ч. Детская поведенческая неврология. В двух томах. Том 1. / Ч. Ньокиктьен / пер. с англ. Д.В.Ермолаев, Н.Н. Заваденко, Н.Н. Полонская; под ред. Н.Н. Заваденко. — 3-е изд. — М.: Теревинф, 2021. — 288 с.
10. Коццолино М. Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак / М. Коццолино; пер. с итал. — 2-е изд., испр. — Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. — 224 с.
11. Веренинова Ж. Б. Английские гласные: эмоциональный портрет / Ж. Б. Веренинова // *Английский язык в школе*. — № 1 (29). — 2010. — С. 28-32.
12. Цибуля Н.Б. Взаимодействие просодии и невербальных средств в организации публичного дискурса / Н.Б. Цибуля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — №3 (792). — 2018. — С. 111-131.
13. Scaife M. Bruner J. S. The Capacity for Joint Visual Attention in the Infant / M. Scaife, J. S. Bruner // *Nature*. — 253(5489). — 1975. — P. 265-266.
14. Snow C.E. *Mothers' Speech Research: From Input to Interaction* / C.E. Snow, C.A. Ferguson // *Talking to Children: Language Input and Acquisition* // London: Cambridge University Press, 1977. — P. 31-49.
15. Гаврилова Т. О. Типы текстов в регистре общения с детьми / Т. О. Гаврилова // *Семантические категории детской речи* // отв. ред. С. Н. Цейтлин. — СПб.: Нестор. — История, 2007. — С. 384-402.
16. Андреева Е.А. Просодические особенности речи взрослого, обращенной к ребенку (на материале британского варианта английского языка) / Е.А. Андреева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — №1 (830). — 2020. — С. 9-23.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreeva E. A. *Fonetic features of speech addressed to a child: to the history of the issue* / E. A. Andreeva // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. — 2018. — № 3(792). — P. 9-20 [in Russian].
2. Leeuwen T. van. *Introducing Social Semiotics* / Leeuwen T. van // London: Routledge, 2005. — 314 p.
3. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M.A.K. Halliday // London: Arnold, 1978. — 256 p.
4. Iriskhanova O.K. *Polimodal'nyj diskurs kak ob'ekt issledovaniya* [Polymodal Discourse as an Object of Research] / Iriskhanova O.K. // *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Polymodal Dimensions of Discourse] // ed. O.K. Iriskhanova. — 2nd ed. — М.: YASK Publishing, 2022. — 448 p. — (Studia Philologica.) [in Russian]
5. O'Halloran K.L. *Multimodal Discourse Analysis* / K.L. O'Halloran // *Companion to Discourse* / Ed. by K. Hyland, B. Paltridge. — London; New York: Continuum, 2011. — P. 120-137.
6. Cienki A. J. Usage Events of Spoken Language and the Symbolic Units We (May) Abstract from Them / A.J. Cienki // *Cognitive Processes in Language* // J. Badio, K. Kosecki. — Bern: Peter Lang, 2012. — P. 149-158.
7. Pribram K.H. *Holograms* / Pribram K.H // *Languages of the Brain. Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology*. — Prentice-Hall Inc, Englewood Cliffs, 1971. — P. 7 — P.140-166.
8. Changeux J.-P. *Neuronal Man. The Biology of Mind* / J.-P. Changeux. — Oxford University Press, New York, 1985. — 366 p.
9. N'okikt'en CH. *Detskaya povedencheskaya nevrologiya* [Children's Behavioral Neurology]. In 2 vol. Vol. 1. / N'okikt'en CH. / translated by D. V.Ermolaev, N.N. Zavadenko, N.N. Polonskaya / ed. by N.N. Zavadenko. — 3rd ed. — М.: Terevinf, 2021. — 288 p. [in Russian]
10. Koccolino M. *Neverbal'naya kommunikaciya. Teorii, funkcii, yazyk i znak* [Nonverbal Communication. Theories, Functions, Language and Sign]. — 2nd ed. — H.: «Gumanitarnyj centr» Publishing House, 2015. — 224 p. [in Russian]
11. Vereninova ZH. B. *Anglijskie glasnye: emocional'nyj portret* [English Vowels: an Emotional Portrait] // *Anglijskij yazyk v shkole* [English at School]. — № 1 (29). — 2010. — P. 28-32 [in Russian].
12. Cibulya N.B. *Vzaimodejstvie prosodii i neverbal'nyh sredstv v organizacii publicnogo diskursa* [Interaction of Prosody and Nonverbal Means in the Organization of Public Discourse] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. — №3 (792). — 2018. — P. 111-131 [in Russian].

13. Scaife M. Bruner J. S. The Capacity for Joint Visual Attention in the Infant / M. Scaife, J. S. Bruner // Nature. — 253(5489). — 1975. — P. 265-266.

14. Snow C.E. Mothers' Speech Research: From Input to Interaction / C.E. Snow, C.A. Ferguson // Talking to Children: Language Input and Acquisition // London: Cambridge University Press, 1977. — P. 31-49.

15. Gavrilova T. O. Tipy tekstov v registre obshcheniya s det'mi [Types of Texts in the Register of Communication with Children] // Semanticheskie kategorii detskoj rechi [Semantic Categories of Children's Speech] / ed. S. N. Cejtin / SPb.: Nestor. — Istorija, 2007. — P. 384-402 [in Russian].

16. Andreeva E.A. Prosodicheskie osobennosti rechi vzroslogo, obrashchennoj k rebenku (na materiale britanskogo varianta anglijskogo yazyka) [Prosodic Features of Adult Speech Addressed to a Child (based on the British Version of the English Language)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. — №1 (830). — 2020. — P. 9-23 [in Russian].